

УДК 821.121.1
ББК 84(4Вел)-44
Д55

Дойл, Артур Конан.

Д55 **Шерлок Холмс. Все повести и рассказы о сыщике № 1 / Артур Конан Дойл.** — Москва: Алгоритм, 2019. — 944 с.

ISBN 978-5-907120-60-0

Шерлок Холмс — литературный персонаж, созданный талантом английского писателя Артура Конан Дойла (1859—1930). Его произведения, посвященные приключениям знаменитого лондонского частного сыщика, по праву считаются классикой детективного жанра. Общества поклонников дедуктивного метода Холмса распространились по всему миру. Вы тоже можете присоединиться к Всемирному клубу почитателей Шерлока Холмса и его верного друга Ватсона, прочитав эту книгу.

В книге использованы тексты лучших переводчиков XIX и XX вв. и иллюстрации британских художников, современников Конан Дойла.

УДК 821.121.1
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-907120-60-0

© Н. Либерман, перевод, 2019
© И. Лаукарт, перевод, 2019
© Б. Акимов, перевод, 2019
© А. Горский, перевод, наследники, 2019
© И. Гурова, перевод, наследники, 2019
© Н. Дехтерева, перевод, наследники, 2019
© ООО «Агентство Алгоритм», 2019

Конан Дойл и Шерлок Холмс

Традиционно «викторианской эпохой» называют долгий период правления королевы Виктории (1837–1901). К концу XIX века Великобритания практически владела третью всей пригодной для жизни человека суши. Происходили колоссальные перемены в повседневной жизни англичан, начался быстрый рост научно-технического прогресса и промышленного производства, резко возросло число городского населения, в Лондоне и его окрестностях царила нищета и процветала преступность. Столичная полиция не пользовалась у населения популярностью, попадавшие в опасные истории горожане все чаще обращались к частным детективам. От них требовалось, в первую очередь, — хладнокровие, рассудительность

и порядочность. Этими качествами и обладал Шерлок Холмс, за них его и полюбили читатели.

Писатель Артур Конан Дойл родился в 1859 году, Шерлок Холмс предположительно в 1854 году, Джон Ватсон (Уотсон) — в 1852 году. Все трое жили в эпоху позднего викторианства, когда облик «доброй старой Англии» отошел в прошлое. Героям писателя пришлось увидеть непростые времена изменения привычной жизни. Выдерживать давление стремительного движения вперед им помогал неизменный моральный кодекс — вера в добро и справедливость. Холмс неотделим от Лондона конца XIX века с его кебами и газовыми фонарями, тускло сияющими в туманные вечера.

Английское слово «детекшин» по-русски означает — открытие, обнаружение. Конан Дойл стал признанным мастером детективной литературы. Частные сыщики появились в Лондоне раньше официальной полиции, но англичане вначале относились к ним недоверчиво, так как за ними не было никакого контроля, их деятельность держалась лишь на собственной репутации, зачастую очень шаткой. Но со временем им стали доверять больше, чем официальной полиции, что и отразил Конан Дойл в образе своего героя.

Впервые появляется Холмс в повести «Красное по белому» (переводилась также на русский язык под названием «Этиод в багровых тонах»). Он знакомится с Ватсоном, и они условились вместе снимать квартиру по адресу, который стал самым знаменитым в английской литературе: Бейкер-стрит, 221б. Так было положено начало долгой нерушимой дружбе. Хотя трудно представить себе двух более разных людей. Холмс — женоненавистник, умный и расчетливый аскет, Ватсон — любитель хорошеньких женщин, простодушный и немного безалаберный лондонский обыватель. Повесть впервые вышла в свет в декабре 1887 году в периодическом сборнике «Рождественский еженедельник Битона» вместе с рассказами других авторов. Литературные тексты были разбавлены рекламными вставками, вроде: «Паста от паразитов, надежное средство от крыс, тараканов, мышей и клопов!» Повесть получила положительные отзывы: Журнал «Скотчмен» отмечал: «Это самый замечательный рассказ о хитроумном преступлении со времен Эдгара Аллана По! У автора несомненный талант. Он не идет проторенной дорогой, а показывает, как должен работать настоящий сыщик, пользуясь дедукцией и наблюдательностью. Книга обретет много поклонников».

Дойл становится известен как прозаик детективного жанра. Он указывал на двух писателей, чье творчество повлияло на его детективные истории: Эдгар Аллан По и Эмиль Габорио. Первый из них создал образ частного сыщика Огюста Дюпена, второй — полицейского детектива Леккока. Но у Холмса появились доброта и сострадание — чувства, которых были лишены Дюпен и Леккок.

В повестях и рассказах о Шерлоке Холмсе Конан Дойл описал многие методы криминалистики, которые в то время были неизвестны полиции. После выхода его произведений в свет дедуктивный метод стал использоваться криминалистами по всему миру. В начале XX века криминальная полиция некоторых стран даже ввела произведения писателя в обязательную программу экзамена для следователя.

В 1893 году, получив очередной внушительный гонорар, Конан Дойл с семьей отправился отдохнуть в Швейцарию. Во время одной из прогулок в Альпах он привел жену Луизу к Райхенбахскому водопаду.

— Дорогая, как ты думаешь, может ли выжить человек, упавший в эту пропасть?

— Нет, совершенно невозможно, — ответила Луиза.

Внимательно посмотрев на мужа, она встретила улыбку.

— Что ты собираешься написать?

— Очень скоро мистер Холмс либо подтвердит, либо опровергнет твоё утверждение. Ему предстоит прыгнуть в эту бездну.

Вскоре в журнале «The Strand», где многие годы печатались новые рассказы и повести о похождениях знаменитого лондонского сыщика, появляется новелла, в финале которой Холмс погибает в схватке с главой преступного мира профессором Мориарти. После этой «новости» двадцать тысяч читателей отказались от подписки на журнал. Более того, огромные толпы народа с лозунгами «Верните нам Холмса!» ежедневно собирались вокруг офиса редакции. Даже мать Дойла обратилась к сыну-писателю с этой просьбой. На лондонских улицах появилось множество прохожих с черной повязкой на рукаве — почитатели Холмса носили траур.

— Я слышал, что многие даже рыдали, — говорил по этому поводу писатель. — Сам же я, боюсь, остался абсолютно холоден, и лишь радовался возможности проявить себя в иных областях фантазии.

Дойлу стали звонить неизвестные с прямыми угрозами, что если Шерлок Холмс не будет воскрешен из мертвых, его бессердечный создатель в ближайшее время отправится вслед за ним. По слухам, даже королева Виктория написала Дойлу и намекнула, что надо «воскресить» Шерлока Холмса. Писатель не оставалось выбора, и в апреле 1894 года в рассказе «Пустой дом» вновь появился живой легендарный сыщик.

Конан Дойл время от времени и в реальной жизни использовал способности, которыми наделил своего сыщика. Он безвозмездно принял на себя ряд мер по пересмотру судебного дела некоего Джорджа Эдалжи, осужденного по ложному обвинению полиции. Писатель опубликовал в газете «Дейли телеграф» несколько статей, после которых множество общественных деятелей встало на защиту Эдалжи. Дело слушалось повторно, и обвиняемого оправдали.

В 1929 году на торжественном заседании, посвященном 70-летию Конан Дойла, с большой речью выступил писатель Эдгар Уоллес, автор детективных произведений, причисляющий себя к последователям юбиляра. Он назвал главной заслугой Дойла создание образа Шерлока Холмса. Юбиляр по окончании речи отвел Уоллеса в сторону.

— Зачем вы это сказали? — с упреком прошептал он. — Разве вы не знаете, что не я создатель образа Шерлока Холмса? Это читатели создали его в своем воображении.

Артур Конан Дойл был женат дважды. Первый раз женился в 1885 году на 27-летней Луизе Хоукинс. Она не отличалась здоровьем, долго страдала туберкулезом и скончалась в 1906 году. Еще в 1897 году 37-летний Дойл полюбил другую женщину — 24-летнюю Джин Элизабет Лекки, дочь богатых шотландцев из древнего рода, восходящих своими корнями к знаменитому Роб Рою. Но лишь став вдовцом, в 1907 году он сделал ей предложение. Еще до свадьбы они купили в Кроуборо усадьбу под названием «Литл Уинделмаш» — в живописном уголке графства Сассекс. Перед фасадом Джин разбила розарий, из кабинета Артура открывался красивый вид за зеленые долины, ведущие к проливу. Они прожили в счастливом браке более двадцати лет, до его кончины. У супругов оказалось множество общих интересов, в том числе увлечение спиритизмом. Рано утром 7 июля 1930 года 71-летний Дойл попросил усадить его в кресло. Джин держала мужа за руку.

— Я отправляюсь в самое захватывающее и слабое путешествие, каких еще не было в моей полной приключений жизни, — прошептал он, с трудом шевеля губами. — Джин, ты была великодушна.

С этими словами он умер.

На могильном камне Конан Дойла, похоронного в саду своего дома в Уинделшаме, выгравирована эпитафия, написанная им самим:

Я выполнил свою простую задачу,

Если дал хотя бы час радости

Мальчику, который уже наполовину мужчина,

Или мужчине — еще наполовину мальчику.

Шерлок Холмс испытывал ужас перед уничтожением каких-либо документов. Его бумаги копились многими годами и заполнили всю квартиру на Бейкер-стрит. Так же и сам Дойл хранил большинство своих рукописей и прочих бумаг, и после его смерти понадобилось 16 лет, чтобы разобрать литературное наследство писателя. На протяжении более семидесяти лет потомки и наследники писателя отказывались публико-

Шерлок Холмс и его несчастный пленник Артур Конан Дойл. Рисунок Бернарда Парtridge. 1926

вать значительную часть его архива, в частности, записные книжки и письма.

Обширная коллекция рукописей и личных вещей Конан Дойла многие годы считалась утерянной. Ее случайно обнаружили в офисе одной из юридических фирм, и она 19 мая 2004 года была выставлена на аукционе «Кристис» в Лондоне. Среди них более трех тысяч писем, заметок и рукописей произведений, многие из которых никогда не издавались. Основную часть из наследия писателя была продана более чем за полтора миллиона долларов библиотеке Британского музея. Впрочем, это не так уж дорого, если учитывать повальное увлечение в мире историями о Шерлоке Холмсе.

Существует научное общество, которое было основано на утверждении, что Шерлок Холмс

и доктор Ватсон — реальные люди, а их расследования — не выдумка, а подлинные события, записанные Ватсоном, а затем изданные под именем его друга и агента Артура Конан Дойла. «Большая игра» — под таким названием объединяются все работы по изучению Холмса как реального человека. Больше половины современных британских подростков верят, что знаменитый сыщик-любитель действительно существовал и жил на Бейкер-стрит.

Артур Конан Дойл писал в своих воспоминаниях: «Видимо, я никогда полностью не осознавал, до какой степени мои доверчивые читатели уверовали в реальность Холмса, пока не услышал очень польстившую мне историю о французских школьниках, приехавших в Лондон на экскурсию. Когда их спросили, что они хотят видеть прежде всего, они в один голос ответили: квартиру мистера Холмса на Бейкер-стрит».

Писатель Роберт Льюис Стивенсон пересказывал некоторые истории Холмса жителям островов Самоа в Тихом океане. Ему приходилось многое объяснять туземцам: что такое железная дорога, кто такой инженер. Но сам образ Холмса был им понятен, рассказы о нем они воспринимали, как историю реально существующего человека. Стивенсон писал Дойлу: «Если бы вы видели горящие нетерпеливые глаза самоанцев, вы ощутили бы вкус славы».

Истории о знаменитом сыщике, курившем трубку, без конца переиздаются, фильмов и телевизионных сериалов о нем создано больше, чем о ком-либо другом. Многие английские почитатели великого детектива утверждают, что у них есть доказательства того, что Шерлок Холмс действительно существовал, а вот жил ли когда-нибудь на свете писатель Конан Дойл — это, по их мнению, довольно спорный вопрос.

В 1975 году Холмсу было присвоено звание почетного доктора Колорадского государственного университета, а в 2002 году он был принят в члены Британского королевского общества химии.

Михаил Вострышев

Красное
по белому
(Этюд в багровых тонах)

Повесть

Часть первая

*Личные воспоминания Джона Ватсона,
отставного старшего врача английской армии*

I. Шерлок Холмс

присоединиться к нему, началась вторая война с Афганистаном. Высадившись в Бомбее, я узнал, что мой полк уже перешел границу и находится в самом сердце враждебной страны. Я присоединился к нескольким офицерам, которые были в таком же положении, как и я, и мы вскоре благополучно достигли города Кандагара. Там я нашел мой полк и немедленно же приступил к исполнению своих обязанностей. Для большинства участников кампании война представлялась в виде повышения и чинов, а на мою долю выпадали одни горести и болезни. Перемена должности заставила меня отправиться в Беркширский полк, с которым я и принял участие в роковой схватке при Мэйванде. Я был ранен в плечо осколком ядра. У меня раздробило ключицу, повредило соседние артерии, и, истекая кровью, я неминуемо попал бы в руки жестоких врагов, если бы не самоотвержение моего денщика Мюррая. Он подхватил меня на руки, затем перекинул поперек седла пойманной им свободной лошади и доставил на английский перевязочный пункт.

Измученный невыносимой болью, сильно ослабевший от различного рода лишений и неудобств военной жизни, я был отправлен в поезде для раненых в госпиталь в Пешаваре. Здесь я почувствовал себя значительно лучше и даже вскоре был в состоянии не только прогуливаться по палате, но и выходить на солнышко, на веранду. Но меня постигло новое горе. Я схватил болотную лихорадку, этот бич индийских владений. Несколько месяцев я провел между жизнью и смертью. Наконец я почувствовал себя несколько лучше, и доктора решили отправить меня на родину в Англию. Я взял место на транспортном судне «Оронт» и спустя месяц уже высаживался в Пор-

Это было в 1878 году, когда я защитил при Лондонском университете свою диссертацию на степень доктора медицины. Пополнив мои познания в Нетлей (что необходимо для желающих делать карьеру военного врача), я поступил старшим помощником военного врача в пятый стрелковый Нортумберлендский полк. Полк этот находился в то время в Индии, и прежде, нежели я успел

тсмуте. Здоровье мое было навсегда подорвано. Благодаря отеческому отношению ко мне моего правительства я получил девятимесячный отпуск и в течение этого времени мог заняться восстановлением потерянных сил.

Не имея ни пристанища, ни дела, я был свободен как воздух, или, вернее, я был свободен, как тот, кто имеет всего-навсего пять рублей семьдесят пять копеек дохода ежедневно. И конечно, меня потянуло в Лондон, в это обширнейшее вместилище, куда несутся бесчисленные волны людские со всех сторон Англии, куда стремится всякий, не имеющий ни определенного занятия, ни намеченной цели.

На первых порах я нанял себе комнату в маленькой гостинице на Странде и некоторое время жил там, ведя совершенно бездельную и однообразную жизнь, стараясь экономить из всех сил. Вскоре состояние моих финансов начало беспокоить меня. Я встал перед выбором: или уехать куда-нибудь в глухую провинцию и там прозябать и скучать, или совершенно изменить образ жизни. Я выбрал второе и для начала решил перебраться из гостиницы на квартиру.

В тот день, когда я принял такое решение, проходя по улице, я вдруг почувствовал, как чья-то рука легла мне на плечо. Обернувшись, я увидел юного Стэмфорда — моего помощника, когда я еще служил в госпитале в Барте. Для человека, находящегося в оглушительном водовороте Лондона, почитающего себя совершенно беспомощным и одиноким, один вид знакомого лица действует уже ободряюще. Прежде мои отношения к Стэмфорду никогда не были особенно близки, я не мог его назвать своим другом; но теперь я приветствовал его как брата, и он со своей стороны также казался в восхищении от встречи со мною. В порыве радостного чувства я пригласил его позавтракать к Гольборну, и через секунду мы уже усаживались с ним в нанятый мною фиакр*.

В то время когда мы жатили к ресторану, Стэмфорд всматривался в мое лицо и не мог скрыть изумления.

— Что за чертову жизнь вы вели за последнее время, Ватсон? — спросил он меня наконец. — Вы исхудали, точно Кощей Бессметный, и черны, как галка.

* Фиакр (франц. fiacre) — наемный городской экипаж на конной тяге, использовавшийся в странах Западной Европы как такси до изобретения автомобиля.

Я передал ему в нескольких словах последние события моей жизни. Как раз в это время экипаж остановился у дверей ресторана.

— Бедный малый! — сочувственно произнес Стэмфорд. — Ну, а теперь вы что делаете?

— В настоящее время я ищу квартиру, то есть стараюсь разрешить трудную загадку, а именно: мне надо более-менее комфортабельное помещение за недорогую плату.

— Странно, — пробормотал мой собеседник, — вот уже второй раз сегодня я слышу совершенно одни и те же слова от двух разных лиц.

— Кто же другое лицо?

— Молодой человек, занимающийся изучением химии в лаборатории. Сегодня он жаловался мне, что не может найти товарища, чтобы снять вместе хорошенькую квартиру, которую он рассмотрел и слишком дорогую для него одного.

— Господи! — воскликнул я. — Если он ищет кого-нибудь, кто пожелал бы разделить с ним квартиру и плату за нее, то я к его услугам. Я предпочитаю жить с товарищем, нежели один.

Стэмфорд поднял глаза от своего стакана и посмотрел на меня странным взглядом.

— Вы еще не знаете Шерлока Холмса. Может быть, вы не пожелаете иметь его постоянным своим товарищем?

— Почему нет? Разве его можно в чем-нибудь упрекнуть?

— О, я не хотел сказать ничего подобного. Но только он небольшой чудаковатый фанатик по части некоторых явлений и наук. Но, насколько я его знаю, это прекрасный парень.

— Студент-медик, без сомнения?

— Нет, и я даже не имею ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет. Говорят, он очень силен в анатомии и химии, но я прекрасно знаю, что он никогда не проходил медицинского курса. Он занимался науками крайне нескладно, даже можно сказать эксцентрично. Не обращая внимания на те науки, которые большинство людей старается изучить, он изучает совершенно другие и изучает так, что мог бы удивить профессоров.

— Вы никогда не спрашивали его, к какой карьере он себя готовит?

— Конечно нет, потому что это не такой человек, которого можно заставить говорить о себе. Хотя бывают случаи, когда ему приходит фантазия быть очень экспансивным и разговорчивым.

— Я был бы очень рад встретиться с ним, — сказал я, — если мне приходится жить с кем-

нибудь, я предпочитаю, чтобы это был человек занятой и спокойный в своих привычках. Я, как видите сами, еще не настолько окреп здоровьем, чтобы легко переносить шум и волнения. Всего этого я имел достаточно в Афганистане, на мой век хватит. Когда же я могу познакомиться с вашим другом?

— Он, вероятно, находится в лаборатории, — ответил Стэмфорд. — Бывает, что он там работает целые дни и ночи, но бывает и так, что он туда носа не кажет в течение нескольких недель. Если хотите, то мы после завтрака найдем экипаж и отправимся туда.

— Отлично, — ответил я.

И мы заговорили о другом. По дороге в госпиталь Стэмфорд сообщил мне еще некоторые сведения о моем будущем сожителе.

— Не будьте на меня в претензии, — сказал он, — если не сойдется с ним. Я его мало знаю и встречал только несколько раз в лаборатории. Идея поселиться с ним вместе пришла ведь вам, и вы поэтому не делайте меня ответственным за последствия.

— Если мы с ним не уживемся, — ответил я, — то нам будет нетрудно расстаться. Но, Стэмфорд, — прибавил я, пристально глядя на него, — мне кажется, что у вас есть особенные причины, что вы умываете руки наперед. Скажите, в характере моего будущего товарища действительно есть нечто, чего следует опасаться? Говорите откровенно, не будьте таким скрытным!

Стэмфорд расхохотался.

— Дело в том, что чрезвычайно трудно объяснить необъяснимую вещь, — сказал он, — Холмс, на мой взгляд, уж слишком тождествен с самой наукой, он сливается с нею, и вследствие этого, быть может, он и относится совершенно равнодушно ко всему остальному. И я думаю, что он был бы в состоянии испробовать на своем друге какой-нибудь только что открытый им яд не по злобе, а попросту, чтобы проследить его действие. Но, чтобы быть справедливым, я должен прибавить, — и это мое искреннее убеждение, — что он совершенно так же способен и сам подвергнуться добровольному подобному же испытанию. Он с каким-то бешенством старается углубить науку, за которую принимается, и свои познания заключить в известные, математические точные формулы.

— Я нахожу, что он прав.

— Согласен, но таким образом можно дойти и до крайностей. Может, например, показаться

очень странным, если кто-нибудь возьмет палку и начнет колотить препарированные части, находящиеся на анатомическом столе.

— Что вы говорите!

— Чистую правду. Он сделал подобную вещь однажды. Я видел собственными глазами. Кажется, он хотел знать, как действуют на труп удары палкой.

— Но ведь вы говорите, что он студент-медик?

— Нет. Один Бог знает цель его занятий и изучений. Но вот мы и прибыли, и вы можете сами составить о нем какое угодно мнение.

Беседуя таким образом, мы повернули в переулок и прошли в маленькую дверь, находившуюся в боковом корпусе госпиталя.

Обстановка госпиталя не была чужда мне, и я не нуждался в проводнике, чтобы ориентироваться и найти дорогу. Я поднялся по широким каменным ступеням, от которых веяло холодом, и пошел по коридору с белыми стенами и отворяющимися налево и направо дверями, выкрашенными в темную краску. К коридору примыкал низенький сводчатый проход, ведущий в лабораторию. Это была громадная и очень высокая комната, сверху донизу заставленная флаконами и бутылками внушительных размеров. Широкие и низкие столы были расставлены по всей комнате там и сям, без всякого порядка. Реторты, ступки и бензиновые лампочки, на которых вспыхивало голубоватое пламя, сплошь загромождали все столы.

В глубине зала, наклонившись над столом и весь углубленный в свои занятия, сидел молодой человек. При шуме наших шагов он быстро поднял голову и бросился к нам, испустив восклицание триумфа и подсовывая под нос моего спутника стеклянную ступку.

— Вот он, вот он, единственный во всем мире реактив, который осаждает гемоглобин! Я нашел его! — воскликнул он.

И если бы он открыл залежи золотого песка, то вряд ли был бы более счастлив, нежели в настоящую минуту.

— Доктор Ватсон, Шерлок Холмс, — произнес Стэмфорд, представляя нас друг другу.

— Как поживаете? — приветливо сказал мне Шерлок Холмс, пожимая мою руку с силой, которой нельзя было подозревать в нем на первый взгляд. — Вы, я вижу, возвращаетесь из Афганистана.

— Каким образом вы можете знать? — совершенно ошеломленный, воскликнул я.

— Ну, это все равно! — ответил он, улыбаясь своим мыслям. — В настоящую минуту меня более всего занимает гемоглобин и его реактив. Надеюсь, что вы понимаете все громадное значение моего открытия?

— Несомненно, что это открытие очень полезно и важно в области химии, но с практической точки зрения...

— Как! Да ведь это именно такое открытие, которое принесет громадную пользу в практической жизни! Подобного ему не было сделано в течение уже многих, многих лет. Разве вы не понимаете, что при помощи этого реактива мы будем безошибочно распознавать пятна, сделанные человеческой кровью? Подите-ка сюда! — и в порыве радости и нетерпения он схватил меня за рукав и потащил к столу, за которым занимался. — Добудем сначала немного свежей крови...

Проговорив это, он сделал ланцетом разрез на своем пальце и взял каплю крови в тоненькую стеклянную трубку.

— А теперь я опущу эту каплю крови в литр воды, — продолжал он. — Заметьте, что вода сохранила совершенно такой же вид, какой имела и раньше. Кровь не составляет и миллионной части ее, и все-таки я не сомневаюсь, что при помощи моего реактива мы получим осадок.

Говоря таким образом, он опустил сначала в сосуд несколько прозрачных кристалликов, а затем влил туда же немного какой-то бесцветной жидкости. В один момент вся вода приняла цвет потемневшего красного дерева, а на дне сосуда появился коричневатый осадок.

— Ха! Ха! — восклицал Холмс, хлопая в ладоши с видом ребенка, которому предложили новую игрушку. — Что вы думаете об этом?

— Думаю, что этот реактив редкой чувствительности, — заметил я.

— Чудесный реактив! Прямо чудесный! Получали и прежде осадок при помощи бакаута, но он очень слабый и несовершенный. Точно такой же слабый результат получался и от исследований кровяной капли под микроскопом, потому что состав крови сильно изменялся уже через несколько часов. А мое средство производит реакцию одинаково хорошо как свежей, так и старой, запекшейся крови. О! Если бы это открытие было сделано раньше, многие и многие сотни людей, совершивших преступления и спокойно разгуливающих теперь по белу свету, понесли бы заслуженное наказание.

— Вероятно, — пробормотал я.

— Ну да, конечно. Мы подошли к главной точке, на которую опирается в большинстве случаев искусство юридических расследований. Бывает так: человек совершил преступление, и только по истечении нескольких месяцев после его совершения на него падает подозрение. Осматривают его платье, белье, находят на них темные пятна. Откуда они? Суть ли это пятна грязи, крови, ржавчины или просто фруктового сока? На этом срезался не один эксперт, а почему? Потому что мы не имели в руках реактива, который бы действовал безошибочно. Но теперь у нас есть реактив Шерлока Холмса, и неизвестности нет более места.

Он говорил это с глазами, сверкающими, как уголь, а затем, окончив свою маленькую речь, приложил руку к сердцу и поклонился, как будто стоял перед многочисленной публикой и благодарил за аплодисменты.

— Поздравляю вас, — сказал я, невольно подываясь его искреннему восторгу.

— Не имели ли мы в прошлом году замечательного дела Ришоф де Франфора? Его пове-

сили бы непременно, если бы мой реактив был открыт в то время. А Массон из Брандфорда? А знаменитый Мюллер, а Лефевр и Монпелье? А Самсон из Нового Орлеана?.. Да я мог бы вам перечислить еще с двадцать совершенно аналогичных случаев.

— Вы точно живой список всех преступлений! — смеясь, воскликнул Стэмфорд. — Отчего вы не отпечатаете справочный календарь под названием «Альманах преступлений»?

— Это было бы очень интересно, — пробормотал Шерлок Холмс, заклеивая кусочком пластыря то место на своем пальце, где он сделал разрез ланцетом.

— Я должен принимать меры предосторожности, — смеясь, сказал он мне, — потому что мне приходится постоянно возиться с ядами.

Я взглянул на его руки и увидел, что пальцы во многих местах были покрыты такими же кусочками пластыря и обожжены ядовитыми кислотами.

— Но дело не в этом, — сказал Стэмфорд, садясь на скамейку и подталкивая меня другой ногой. — Мы пришли сюда, чтобы поговорить о серьезном деле. Мой друг, стоящий перед вами, ищет квартиру. Я слышал от вас, что вы не можете найти товарища для совместного жительства, и думаю, что сделаю благо вам обоим, сведя вас.

Шерлок Холмс казался очень обрадованным возможностью поселиться со мною вместе и воскликнул:

— У меня есть квартирка в виду на Бейкер-стрит, которая нам подошла бы как раз впору! Надеюсь, что вы переносите запах очень крепкого табаку?

— Я сам курю матросскую махорку, — ответил я.

— Отлично. Предупреждаю вас еще, что я вечно окружен химическими веществами и по временам произвожу опыты. Подходит вам это?

— Совершенно.

— Постойте, я подумаю еще, какие у меня недостатки... Да! Мне случается впадать в мрачную хандру, которая длится по нескольку дней, в течение которых я не раскрываю рта. Поэтому не следует думать в это время, что я дуюсь на вас. Меня надо только оставить в покое на это время, и я быстро возвращаюсь к обычному состоянию. Ну, а теперь ваша очередь делать признания. Гораздо лучше для людей, собирающихся жить вместе, чтобы они знали привычки и недостатки друг друга.

Я невольно улыбнулся.

— У меня есть маленькая собачка, — начал я мою исповедь, — потом я был очень болен недавно, вследствие чего нервы у меня расстроены, и я не выношу шума и гама. Встаю я очень поздно, до смешного поздно, и ленив чертовски. Когда я буду совершенно здоров, у меня появятся, конечно, другие недостатки, но в настоящее время их у меня больше того, что я уже сказал, нет.

— Говоря, что вы не выносите гама, вы не хотите сказать, что не выносите игры на скрипке? — с беспокойством спросил Холмс.

— Это зависит от исполнения, — ответил я. — Хорошая игра на скрипке доставляет мне громадное удовольствие, но если вместо игры я слышу пиликанье...

— В таком случае отлично! — весело воскликнул он. — Наше дело в шляпе, если квартира вам понравится, конечно.

— Когда мы можем ее осмотреть?

— Приходите за мной сюда завтра после двенадцати часов, и мы отправимся вместе.

— Согласен. Итак, до свидания. Завтра в указанное время я буду здесь, — сказал я, пожимая его руку.

Шерлок Холмс отошел от нас и снова погрузился в свои занятия, а мы вышли из госпиталя и пошли по направлению к моей гостинице.

— Кстати, — сказал я, обращаясь к Стэмфорду, — какой черт мог ему сказать, что я вернулся недавно из Афганистана?

Стэмфорд загадочно улыбнулся.

— Это одна из его странностей, — сказал он. — Многие удивляются его способности угадывать массу вещей с первого же взгляда.

— О! Тут значит, кроется тайна! — воскликнул я, с удовольствием потирая руки. — Это становится интересным. Я вам бесконечно благодарен за знакомство с подобным субъектом. Кто желает знать человечество, тот должен постепенно изучать разные личности отдельно.

— Ну, и изучайте эту личность, — сказал Стэмфорд, прощаясь со мною. — Но я должен вас предупредить, что в лице Шерлока Холмса вы натолкнетесь на загадку, которую вам трудно будет разобрать. И я готов поддержать пари, что он, пока вы только еще приступите к изучению его характера, будет знать вас вдоль и поперек... А затем — до свиданья.

— До свиданья! — ответил я и пошел снова прогуливаться по улицам Лондона, сильно заинтересованный своим новым знакомством.

II. Глава, из которой читатель увидит, что дедукция может сделаться настоящей наукой

На другой день, в указанное время, я и Шерлок Холмс отправились на Бейкер-стрит, чтобы осмотреть намеченную квартиру. Она состояла из двух небольших комнат, но очень комфортабельных, и из большой гостиной — высокой, с массой света, льющегося через два широкие окна, и обставленной прекрасной мебелью. Общее впечатление было такое приятное и цена, принимая во внимание, что мы платили пополам, такая подходящая, что мы тотчас же порешили дело. В тот же вечер я, сгорая от нетерпения поместиться покомфортабельнее, перевез в новое жилище из гостиницы все свои вещи, а на другой день утром явился и Шерлок Холмс в сопровождении довольно большого числа ящиков и сундуков. Два или три дня мы были заняты тем, что расставляли и развешивали все имеющиеся у нас вещи и украшения, стараясь поместить каждую вещьцу таким образом, чтобы она выигрывала как можно больше.

После этих предварительных хлопот мы почувствовали, что находимся дома, и начали понемногу осваиваться со своим новым помещением.

Холмс оказался действительно очень покладистым человеком, ужиться с которым не представляло никакого труда. Он был очень покоен в своих привычках и крайне аккуратен. Ложился он редко позже десяти часов, и когда я на другой день поднимался с постели, то никогда уже не заставал его дома. Он завтракал один и тотчас же куда-то исчезал. Иногда он проводил целые дни то в лаборатории, то в анатомическом зале, иногда совершал длинные прогулки, причем неизменно выбирал самые отдаленные, самые бедные улицы. Никакими словами невозможно было описать его необычайную деятельность и энергию, когда он находился в возбужденном состоянии. Но после нескольких таких дней наступала реакция, и он целую неделю с утра до ночи лежал, растянувшись на диване, и буквально не произносил ни одного слова, ни дви-

гая ни одним членом. В эти дни выражение его глаз было до такой степени мечтательным и как бы не от мира сего, что я мог бы заподозрить, что он употребляет какие-нибудь сильные наркотические средства. Но, зная его трезвые привычки и совершенно порядочный образ жизни, я не решился допустить ничего подобного.

Недели шли за неделями, и мое любопытство возросло до крайних пределов. Особенно меня интриговали его занятия и цель, которую он преследует в своей жизни. Самая наружность Холмса была такова, что невольно останавливала внимание даже самого ненаблюдательного человека. Он был очень высок ростом и так худ, что это еще более увеличивало его рост. Его глаза были блестящи и пронизательны, за исключением дней столбняка, о которых я говорил выше. Нос его тонкий и сильно горбатый, придавал ему вид хищной птицы. Все его лицо носило выражение решительности и необычайной пронизательности. Широкий подбородок также свидетельствовал о необыкновенной силе воли и настойчивости. Его руки были вечно покрыты чернильными пятнами и обожжены химическими кислотами, что было очень странно при той ловкости, с какой он обращался с хрупкими принадлежностями химической лаборатории.

Рискуя показаться читателю любопытным, как старая баба, я все-таки должен сознаться, что Шерлок Холмс возбуждал мое любопытство до крайних пределов. Многократно, но и бесплодно пытался я проникнуть в тайну, которой он окружал себя. Как единственное оправдание себе, я должен привести тот факт, что в то время моя собственная жизнь была лишена всякого интереса. К тому же состояние моего здоровья позволяло мне выходить на прогулку только в исключительно благоприятную погоду. У меня не было ни друзей, ни знакомых, которые могли бы прийти навестить меня и оживить таким